

УДК 821.161.1.09 Солженицын А.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 Солженицын А.
Б94

Бушин, Владимир Сергеевич.
Б94 Неизвестный Солженицын. Гений первого плевка... / Влади-
мир Бушин. — Москва : Алгоритм, 2018. — 592 с.

ISBN 978-5-906914-96-5

К столетию со дня рождения А. Солженицына.

Крупнейшие русские писатели, современники Александра Солженицына, встретили его приход в литературу очень тепло, кое-кто даже восторженно. Но со временем отношение к нему резко изменилось. А. Твардовский, не жалевший сил и стараний, чтобы напечатать в «Новом мире» никому не ведомого автора, потом в глаза говорил ему: «У вас нет ничего святого...» М. Шолохов, прочитав первую повесть литературного новичка, попросил Твардовского от его имени при случае расцеловать автора, а позднее писал о нем: «Какое-то болезненное бесстыдство...» То же самое можно сказать и об отношении к нему Л. Леонова, К. Симонова... Прочитав книгу одного из самых авторитетных публицистов нашего времени Владимира Бушина, лично знавшего писателя, вы поймете, чем пожертвовал Солженицын ради славы.

УДК 821.161.1.09 Солженицын А.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 Солженицын А.

ISBN 978-5-906914-96-5

© В. Бушин, 2018
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Бушин Владимир Сергеевич
НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛЖЕНИЦЫН
ГЕНИЙ ПЕРВОГО ПЛЕВКА...

Редактор *Е. Мигунова*
Художник *Е. Максименкова*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.03.2018.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,08.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906914-96-5

9 785906 914965 >

Отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым.

*Александр Солженицын,
академик, Нобелевский лауреат,
кредо которого «жить не по жи!»*

НАПУТСТВИЕ

1

Москва широко отметила восьмидесятилетие А.И. Солженицына. По телевидению было показано несколько фильмов-сериалов о юбиляре, в Театре на Таганке состоялась премьера спектакля по роману «В круге первом», в Большом зале консерватории и в Зале Чайковского прошли концерты-подарки живому классику, президент наловчился было повесить на шею писателю самый великий орден ельцинской эпохи, пронзительный спич об Александре Исаевиче произнес по тому же телевидению Эдвард Радзинский, всех россиян призвали читать и перечитывать его Альфред Кох и Борис Немцов, теплое слово сказал Григорий Явлинский, в газетах появилось множество статей и т.д.

Однако нам представляется, что в этих многочисленных акциях некоторые особенности уникальной личности и необыкновенного писателя, к сожалению, не были освещены с необходимой ясностью и полнотой. Движимые желанием восполнить досадный пробел, мы предлагаем вниманию читателей сей труд, посвященный знаменитому соотечественнику.

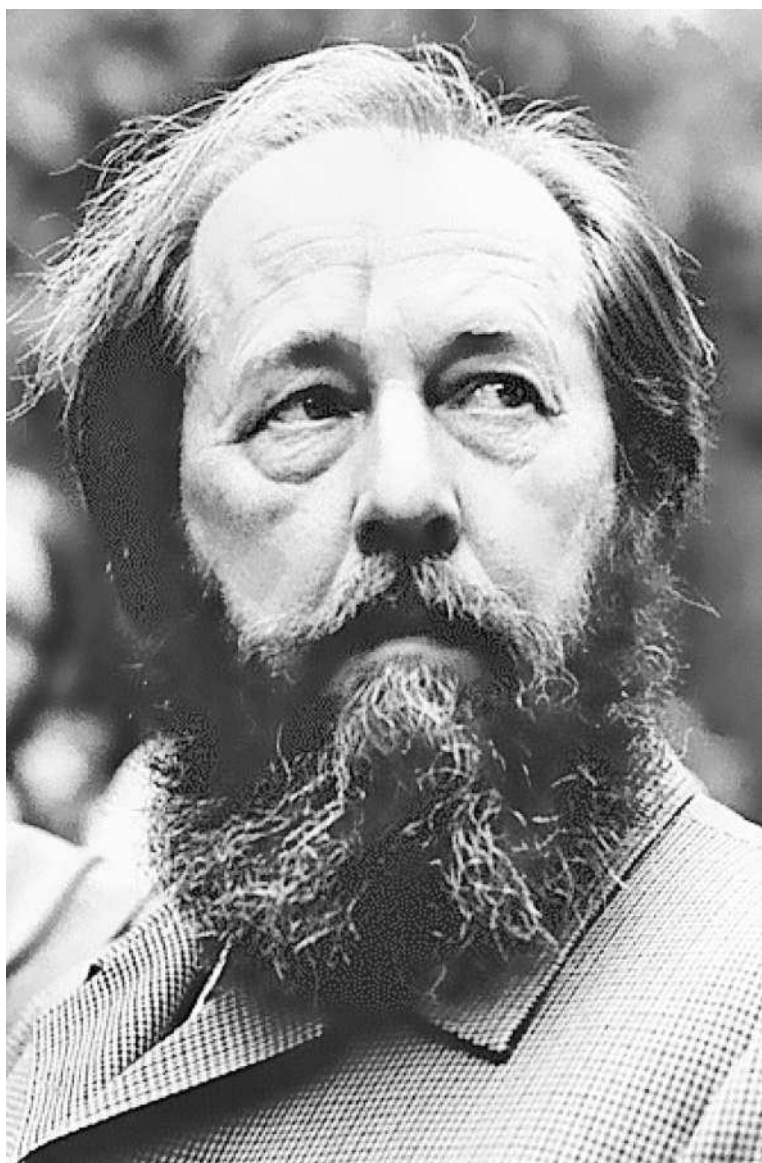
Январь 1999 г.

2

Есть в русском языке слова, термины, выражения, которые, казалось бы, всегда несут в себе только добрый смысл, только «положительный заряд». Во всяком случае, именно

так многие воспринимают, например, слово «писатель» или выражение «властитель дум». Это обнаруживается, в частности, в тех случаях, когда тот или иной автор осуждает за что-то того или иного писателя и берет слово «писатель» в кавычки, желая этим сказать, что никакой, мол, он не писатель. Но это неверно. Нравится он нам или нет, хороший или плохой, талантливый или бесталанный, но если человек занимается литературным трудом, пишет книги, то он писатель, — хоть ты тресни! Это просто род занятий, профессия. То же самое можно сказать о выражении «властитель дум». В сборнике Н. Ашукина и М. Ашукиной «Крылатые слова» (М., 1966) о нем сказано: «В литературной речи оно применяется вообще к великим людям, деятельность которых оказала сильное влияние на умы их современников». Слово «великим» как бы содержит намек на положительный смысл выражения. Но ведь и само понятие «великий» неоднозначно. Более четкое, т.е. «нейтральное», «чистое», определение дано в 17-томном академическом Словаре русского литературного языка (М., 1951): «Властитель дум, сердец, настроений и т.п. — человек, привлечший к себе исключительное внимание современников, политический деятель, писатель, философ и т.п., оказавший большое влияние на общество». Тут ни о каком величии властителя не говорится, и правильно. В упомянутом словаре «Крылатые слова» утверждается, что выражение «властитель дум» восходит к строкам пушкинского стихотворения «К морю»:

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в морской пустыне
Мою бы душу поразил.
Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.
Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум...

Александр Исаевич Солженицын – писатель, публицист, общественный и политический деятель, лауреат Нобелевской премии. 1970 г.

Другой, как известно, — Байрон. И если великий поэт, как властитель дум современников, вне сомнения, то можно ли так назвать и Наполеона? Ведь он вызывал не только восторги и похвалы, но и проклятия, презрение, насмешки. Чего стоит хотя бы один только его иронический образ в «Войне и мире» Толстого. Но даже ирония Толстого тут ничего не может изменить: бесспорно, Наполеон был властителем дум современников. Во время войны или вскоре после нее кто-то написал такую вот затейливо-каламбурную по рифме, но справедливую, по сути, эпиграмму на Пастернака:

Хоть ваш словарь невыносимо нов,
Властитель дум не вы, но Симонов.

Да, именно Симонов во время войны был самым популярным поэтом, самым сильным властителем дум современников, особенно русской молодежи, несмотря на то, что покойный Леонов считал, будто «у него нет языка», а здравствующий Николай Дорошенко объявил его бесталанным евреем.

Эта книга вышла в серии «Властители дум», и речь в ней идет об Александре Солженицыне. Автор относится к своему герою гораздо менее терпимо, чем Толстой — к Наполеону, чем Дорошенко — к Симонову, но он признает, что Солженицына вполне можно считать властителем дум своего времени, ибо его сочинения были изданы огромными тиражами в России и во многих странах мира, о нем возникла целая литература, над созданием которой трудились и француз Жорж Нива, и русский Виктор Чалмаев, и английский еврей Михаил Геллер, и другие авторы. «Литературная газета» установила «Год Солженицына», в течение которого напечатала огромное количество хвалебных статей о нем, театры (даже Малый!) ставили инсценировки по его сочинениям, его избрали в Академию, наградили высшим орденом страны и т.д. В результате всего этого, как сказано в упомянутом словаре, он «оказал большое влияние на общество». более того, Солженицын явился родоначальником, толчком того

нравственного обвала и разложения, той деградации общества, что ныне мы видим на родной земле. Если у читателя хватит терпения и мужества осилить эту книгу, то, думаю, он убедится в справедливости такой оценки.

Сентябрь 2003

3

Эта книга под разными названиями издается четвертый раз. Состав ее несколько менялся. Так, в первом издании был раздел об академике А.Д. Сахарове, который в последующие издания не вошел.

Книга сложилась из статей, публиковавшихся с 1992 года по 2008-й включительно в журналах, альманахах и газетах Москвы, Ленинграда, Воронежа, Омска, Красноярска.

Статейным происхождением книги объясняется наличие в ней разного рода повторов. Кого-то это будет раздражать. Я думал: хорошо бы их опустить. И кое-что убрал, но часто это нарушает цельность статьи, ставшей главой книги. Но, как правило, повторяются наиболее существенные фрагменты. Так, может быть, учитывая, сколь быстро в нынешней сумбурной жизни легко забываются даже самые важные события, имена, факты, может, и полезно кое-что повторять? Наконец, есть же песни, в которых после каждого куплета повторяется припев. Вот и считайте, читатель, что это припевы в моей длинной и, надеюсь, не слишком скучной песне о Солженицыне.

Все, за исключением трех глав в конце настоящего издания, печаталось в периодических изданиях и в книгах при жизни Солженицына, и он сам, и его довольно многочисленные и пламенные почитатели, в частности, и весьма высокопоставленные, имели полную возможность ответить на критику — на что-то возразить, что-то опровергнуть, в чем-то уличить автора. Но писатель только один раз воспользовался такой прекрасной возможностью демократии. Когда он в 1994 году ехал из Владивостока в Москву, в Омске ему показали незадолго до этого опубликованную в газете «Омское время» мою статью «Загадка ареста Солженицы-

на». И он, как мне сообщили тогда же, воскликнул: «Ах, Бушин! Я его давно знаю... Змея!.. Змея!..». Для плодотворной творческой дискуссии этого маловато. Тем более, что змеями, хамелеонами, скорпионами нобелевский лауреат именова́л многих, очень многих нелюбимых ему литераторов. Кроме того, можно заметить, что когда-то помянутую змею он шибко нахваливал.

Не воспользовалась возможностью демократии и выдающаяся демократка Людмила Сараскина. В ее огромном сочинении «Александр Солженицын» (935 увесистых страниц!), вышедшем в этом году в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», не нашлось места ни для единого возражения или хотя бы замечания о моих публикациях, кишмя кишачих горчайшими упреками герою ее саги.

И уж совсем странно, что в биографическом словаре «Русские писатели XX века» (М., 2000), где о Солженицыне самая большая статья из всех, в приложенном перечне публикаций о писателе из моих работ не указана ни одна. А ведь это — «Научное издательство Большая российская энциклопедия». Перечислены публикации только почитателей: Г. Белль, В. Потапов, А. Немзер, Н. Левитская, Г. Фридендер, П. Спиваковский, Г. Шурман, Д. Штурман... А вот как энциклопедически обошлись с Владимиром Лакшиным: статьи «Иван Денисович, его друзья и недруги», в которой критик нахваливал и защищал писателя, указана, а статьи «Солженицын, Твардовский и «Новый мир», где он давал отповедь наконец разгаданному гению, нет... В таком странном мире мы оказываемся сразу, как только прикасаемся к этому небывалому явлению — Солженицын.

Октябрь 2008

ПИСЬМО ИЗ РЯЗАНИ, ОТПРАВЛЕННОЕ В МОСКВЕ

Утром 19 мая 1967 года, в пятницу, я получил по почте письмо — невзрачный бледно-желтенький конверт. Мой адрес сиял на нем великолепной точностью и исчерпывающей полнотой, как жемчужная нить на шее простушки: тут и буквенно-цифровое обозначение почтового отделения (шести-значные индексы еще не были введены); и «ул.», поставленное, как полагается, перед названием улицы, а не после; и мое имя-отчество — целиком, безо всяких усечений. Адрес был напечатан на машинке, и выразительные возможности машинки использованы до конца: слово «Москва» отстукано большими буквами и вразрядку, моя фамилия — тоже вразрядку, но обычными буквами, а два слова, составляющие имя-отчество, размещены немного ниже так точно, что левее фамилии выступало пять букв (Влади...) и правее — тоже ровно пять букв (...евичу).

Эта тщательная обдуманность, дотошность, педантичность даже в написании адреса были мне хорошо знакомы, я уже знал, от кого письмо. Можно было и не смотреть на обратный адрес (он, конечно же, тут имелся, аккуратно отделенный от моего адреса темной чертой-отбивочкой), но я все-таки взглянул: «Рязань, 12, проезд Яблочкова, 1, кв. 11». Конечно, именно «проезд», а не «пр.», которое, чего доброго, кто-то примет за «переулок».

Да, адрес именно тот, что я и ожидал. Он был мне известен уже несколько лет, еще с тех пор, когда проезд Яблочкова назывался Первым Касимовским переулком. Зачем уничтожили хорошее и, видимо, географически целесообразное название (должно быть, по переулку пролегал путь в город

Касимов), почему дали переулку имя не кого-то другого, а П.Н. Яблочкова, это, как нередко у нас, никому не известно. В самом деле, Яблочков вроде бы к Рязани и отношения никакого не имел: родился в Саратовской губернии, учился в Николаеве, в Петербурге, работал в том же Петербурге, в Москве, в Париже, умер в Саратове. Ну, правда, электрический свет, для усовершенствования которого Павел Николаевич так много сделал, в Рязани действительно наличествует.

Тогда в ответ на мое сочувствие по поводу переименования мой рязанский корреспондент писал мне: «Да, переименование улицы и меня не порадовало, но есть надежда переехать в другую квартиру: три года просил в Рязани¹ — не давали, тогда попросил в Москве — и кинулись давать в Рязани» (архив автора). Кинулись-то, может, и кинулись, да, видно, на пути что-то задержало: прошло уже больше года, а адрес — я видел теперь — остался прежним. Это, естественно, вызвало сочувствие. еще бы, человек прошел всю войну, за справедливую критику Сталина отсидел восемь лет в лагерях, стал известным писателем, а у него нет достойной квартиры!

Были и другие причины для сочувствия: я считал в то время, что наши взгляды совпадают не только по вопросам топонимики. Правда, меня тогда несколько смутило, как неожиданно он отозвался на переименование Касимовского переулка: мол, не обрадовало, но я переезжаю на другую улицу. Выходит, лишь бы не жить мне на улице с неудачным названием, а что там в городе, что там на карте страны — не мое дело...

Я хотел было уже взрезать конверт, как вдруг заметил странную вещь: в обратном адресе имя адресата отсутствовало. Разве так случалось прежде? Никогда! Может, просто забыл? Ну! При его-то дотошности? Я пригляделся к почтовым штемпелям. Письмо отправлено вчера, 18 мая, в девять часов вечера, то есть чуть больше полусуток тому назад. И за

¹ Архив автора.

это время оно пришло из Рязани? Темпы для нашей почты немыслимые. Да, но вот факт же... Впрочем, нет. Письмо, оказывается, опущено здесь, в Москве, на Центральном почтамте — там, надо думать, письма сортируются быстрее, чем где-либо. Словом, как видно, все сделано для того, чтобы письмо я получил возможно скорее. Зачем? И почему же все-таки не стоит там, где ему положено стоять, имя? Для конспирации? С какой целью?..

Я взрезал конверт. В нем оказалось три листа, заполненных машинописным текстом, — два обыкновенных и один половинный. На этом половинном я прочитал:

«17.5.67

Уважаемый Владимир Сергеевич! Наша прошлая переписка побуждает меня послать это письмо и Вам».

Ах, вот оно что! Значит, это только «сопроводилочка» к основному тексту. Я нетерпеливо заглянул в самое начало этого текста, там стояло:

«ПИСЬМО IV ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. (вместо выступления) В президиум съезда и делегатам — Членам ССП — БУШИНУ В.С. Редакциям литературных газет и журналов...» Ого, ничего себе размах! Сдерживая любопытство, я вернулся к «сопроводилочке»: «Определяю свое намерение искренне: пусть это письмо напомнит Вам, что и перед Вами в литературе (в жизни) стоит выбор и не бесконечно можно будет Вам его откладывать (как, мне кажется, вы пытаетесь). Желаю Вам — лучшего.

Солженицын»¹.

За машинописной подписью стояла хорошо знакомая короткая подпись, сделанная шариковой ручкой, — вся состоящая из острых углов и завитушек: АСолж. Письмецо в четыре с половиной строки вместило многое: и укор, и предостережение, и призыв, и упоминание о прошлом, и по-

¹ Архив автора.

желание на будущее. Меня прежде всего остановили слова «наша прошлая переписка». Никогда раньше мне не приходило в голову окинуть ее единым взглядом и сделать из этого какой-то вывод. Я задумался. Наша переписка....

Капля в наводнении

Подобно многим, я впервые услышал об Александре Солженицыне осенью 1962 года. По литературной Москве ходили слухи, что в журнале «Новый мир» вот-вот появится повесть, написанная сим дотоле совершенно неизвестным человеком, что повесть посвящена тому, о чем тогда так много и горячо говорили, — злоупотреблениям властью, нарушениям законности во времена Сталина; что автор сам оказался жертвой этих злоупотреблений; что, наконец, небольшая вещь эта производит сильное впечатление. Повесть — она имела скучноватое название «Один день Ивана Денисовича» — действительно появилась в ноябрьской книжке журнала и вызвала наводнение хвалебных статей и рецензий.

У авторов этих статей и рецензий, как и у читателей, представление о А. Солженицыне складывалось тогда по его повести да по тому, что несколько позже он сам стал охотно говорить и писать о себе: боевой офицер-артиллерист, провоевавший всю войну командиром батареи; невинно пострадал за критику Сталина; был осужден и срок заключения отбывал в тяжелейших условиях, подобных тем, что описаны в повести; выйдя на свободу, стал пером писателя разоблачать былые нарушения законности и бороться со всяческой несправедливостью, — можно сказать, идеальный героический образ страдальца за правду и ее радетеля. Ничего удивительного, что такой человек, такой писатель вызывал у многих и большой интерес, и искреннее сочувствие.

Все так. Однако нельзя сказать, что упомянутое статейно-рецензионное наводнение было таким уж совершенно непредвиденным и необузданным стихийным явлением, как, например, петербургское наводнение, описанное Пушкиным в «Медном всаднике», где есть и такие строки:

Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон
Печален, смутен вышел он
И молвил: «С Божией стихией
Царям не совладать». Он сел
И в думе, скорбными очами,
На злое бедствие глядел...

Солженицынское литературно-критическое наводнение 1962—1963 года в значительной степени было — что неудивительно — плановым, и с иных высоких «балконов» на него смотрели не скорбными очами и не скорбными устами молвили оттуда, что в повести Солженицына правдиво освещается действительность, что такие произведения воспитывают уважение к трудовому человеку и т.п.

Я оказался малой каплей в этом гигантском наводнении: в мартовской книжке «Невы» за 1963 год появилась моя обширная и довольно равнодушная статья о повести. Вовсе не заказанная, она была целиком в духе восторгов того времени. Журнал со статьей послал Солженицыну в Рязань. В его ответе 27 мая 1963 года между прочим говорилось: «О Вашей статье я слышал от Сергея Алексеевича Воронина¹ еще в феврале. Саму статью прочел в прошлом месяце. Нахожу ее весьма интересной и очень разнообразно, убедительно аргументированной»². Я, конечно, порадовался похвале большой знаменитости, хотя сам не был в таком уж восторге от статьи, и 4 февраля 1964 года писал Солженицыну, что в ней «по-моему, преобладают эмоции», что она лишь «в какой-то степени удалась мне»³.

Но находились люди, которые в отличие от автора повести и от меня самого считали мою статью вообще неудачной, даже вредной. Так, редакция «Невы» и я сам получили несколько писем-протестов. Вот одно из них.

¹ С.А. Воронин был в ту пору главным редактором «Невы». — В. Б.

² Архив автора.

³ Там же.

«Уважаемая редакция!

В вашем журнале № 3 за 1963 г. напечатана статья В. Бушина «Насущный хлеб правды». Я бы хотел, чтобы вы передали это письмо Бушину. Я не критик, но хотел бы от имени читателей несколько слов сказать по поводу повести Солженицына. Правда, это немножко нескромно говорить так «от имени читателей», но я говорил со многими, и мнение у всех или почти у всех сходно с моим.

Я ничего не нашел в этой повести. Ваша объемистая статья, при всем Вашем желании хоть что-нибудь найти в Шухохе (в главном герое. — В.Б.) тоже не помогла. Зачем из кожи вон лезть и доказывать то, чего на самом деле нет?

Не буду голословным. У меня есть брат. Он провоевал всю войну от первого до последнего дня войны стрелкомрадистом, летал с известным Полбиным¹, ныне покойным. Он много видел и пережил. Он пишет, правда, никуда ничего не посылал. По-моему, у него получается. По ряду причин — судьба трагическая — сейчас он в тюрьме. Но он остался даже там коммунистом — это я могу сказать с чистой совестью. Я сам коммунист. И вот почитайте, что он пишет, я передаю дословно: «Поговорим о другом. Первым долгом отвечу на несколько твоих вопросов. «Один день Ивана Денисовича» я, конечно, читал². Нашумевшей книгой разочарован донельзя. Что в ней полезного, показательного? Ничего. Солженицын показал своего Ивана Денисовича борющимся за миску баланды и кусок хлеба. Безусловно, дума о хлебе

¹ Полбин И.С. (1905—1945), генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза. Погиб в бою.

² Интересно сопоставить это с заявлением А. Солженицына, сделанным на заседании секретариата Союза писателей СССР 22 сентября 1967 года: «Моей книги («Один день Ивана Денисовича») не дают читать в лагерях, ее не пропускали в лагеря, изымали обысками» (Солженицын А.И. Собр. соч. в 6 томах. Франкфурт-на-Майне, издательство «Посев». 1973, т. 6, с. 71).

насушном в таких условиях вполне закономерна и показать, рассказать о ней нужно, но разве в этом суть дела... Истина этой величайшей трагедии познается позже: есть люди, которые над этим упорно, кропотливо трудятся». А Вы, тов. Бушин, начали искать «толстовские и каратаевские нотки» вместе с Чичеровым¹. Действительно, нашли что заметить. Я не виню Солженицына, человек написал как смог и то, что видел со своей колокольни, но зачем же шуметь об этом. Не стоит. Я хотел бы, если Вас это не затруднит, ответить мне и дать адрес Солженицына. Я бы ему кое-что отправил из написанного братом. О тюрьмах, культе там речи нет, он пишет о своих однополчанах.

С уважением *Ильин Станислав Сергеевич.*

6.07.63.

Киевская область, г. Борисполь, в/ч 10201».

Я не ответил тогда на письмо С.С. Ильина, как и на другие подобные письма. Очевидно, главная причина этого состояла в моем решительном несогласии с зачеркиванием повести и в нежелании спорить по столь очевидному для меня вопросу. И сейчас, спустя много лет, я не согласен с зачеркиванием «Одного дня», но как было не прислушаться к предостережениям насчет излишнего шума!..

В издательстве «Художественная литература» о моей статье думали совсем иначе, чем С.С. Ильин. Там решили включить ее в ежегодный критический сборник о наиболее примечательных новинках советской литературы. еще бы! Ведь она оказалась замеченной «Литературной газетой». В большой статье «Гражданином быть обязан...», опубликованной на ее страницах, критик Лина Иванова высветила и процитировала то место статьи, где у меня весьма критически говорилось о главном герое повести: «Я хочу обратить внимание на тот печальный факт, что Шухов, человек богатых душевных возможностей, ведь все-таки в лагере кое с

¹ Имеется в виду статья покойного критика И.И. Чичерова об «Одном дне Ивана Денисовича» (Московская правда, 8.12.1962), с которой я полемизировал в «Неве». — В. Б.